

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Рослякова Евгения Сергеевича «Митрополит Антоний (Храповицкий) как идеолог и деятель Русской Зарубежной Церкви в отечественной историографии 1920 – 2000-х гг.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09. – историография, источниковедение и методы исторического исследования

Тема диссертации Е. С. Рослякова является важной и значимой для историографического изучения прошлого Русской православной церкви (РПЦ) последней трети XIX – первой трети XX вв. Ее актуализация обусловлена процессом воссоединения Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ) с Московской патриархией в 2007 г., вызвавшим оживление дискуссий о причинах размежевания и путях преодоления былых разногласий, продолжающихся до настоящего времени. Фигура митрополита Антония (Храповицкого), долгие годы возглавлявшего РПЦЗ, вполне естественно выступает в этих дискуссиях на первый план, и взвешенная и адекватная оценка его деятельности невозможна без знания историографической традиции, в рамках которой формировался и изменялся его образ.

Во введении автором в соответствии с требованиями ВАК четко определены объект и предмет исследования, формулировка и последующая характеристика которых свидетельствуют, что диссертационное исследование соответствует специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования. Из характеристики объекта и предмета изучения вполне логично выведены цель и задачи исследования, достаточно точно обозначенные Е. С. Росляковым. Правда, пункт шестой в перечне задач – «охарактеризовать политические, идеологические, церковные взгляды Антония (Храповицкого)» (с. 19) – требует корректировки. В таком виде она соответствует историческому изучению, тогда как *историографическое* исследование, проведенное автором, предполагает рассмотрение самосознания и идентификации архиерея, зафиксированных в эго-документах, которые служат основой для определения адекватности и корректности того образа, который создавался его сторонниками или противниками.

Общий историографический обзор, представленный в начале работы, свидетельствует о хорошем знании Е. С. Росляковым исследовательской литературы по выбранной теме. При этом следует отметить как положительный момент то, что он обращается в своей диссертации к работам, опубликованным не только на русском, но и на иностранных языках.

В качестве методологической основы диссертации автор называет интеллектуальную историю, бесспорным авторитетом в утверждении принципов которой в российской

историографии является Л. П. Репина. Вслед за нею автор выбирает «средний путь» между «объективизмом» традиционного, коренящегося в позитивизме, подхода к историографии и конструктивизмом, утверждаемым постмодернистами. Такая методологическая основа позволяет ему достаточно успешно сочетать логико-эпистемологический подход с социологической интерпретацией историографии, т.е. достаточно последовательно реализовывать интеграцию принципов интернализма и экстернализма при интерпретации построения историографического образа митрополита Антония (Храповицкого). Первый из названных принципов применяется для выявления изменений источниковой базы и теоретико-методологических оснований анализируемых Е. С. Росляковым историографических произведений. При этом следует отметить, что в методологическом плане он четко разграничивает особенности «светской» и «церковной» историографии и точно характеризует их взаимоотношения и последующий синтез, тогда как при характеристике расширения источниковой основы историографии ему не всегда удается проводить эту линию последовательно. В работе не хватает общей характеристики возможностей использовать те или иные источники и изменений принципов их интерпретации при выделении периодов в историографии РПЦ и РПЦЗ и, конкретно, при трансформации образа Антония (Храповицкого). Систематическое проведение этой линии усилило бы аргументацию автора.

Экстерналистский подход последовательно реализуется при рассмотрении автором влияния как на общие оценки РПЦ, так и конкретно на трансформацию образа Антония (Храповицкого) динамики общественно-политической ситуации как внутри Российской империи/СССР/Российской Федерации, так и в среде пореволюционной эмиграции. В результате автору удалось убедительно показать не только идеологическую ограниченность, но и каноническую заданность и юрисдикционную обусловленность оценок деятельности митрополита Антония (Храповицкого) представителями различных идейных и религиозных течений, находившихся под омофором разных патриархов и первоиерархов местных православных церквей и церковных объединений, а также советскими историками и пропагандистами, утверждавшими атеистическое мировоззрение в СССР.

Характеристика использованных в процессе изучения темы источников свидетельствует о том, что их круг достаточно обширен и репрезентативен для того, чтобы успешно решить поставленные автором исследовательские задачи. Е. С. Росляков отчетливо представляет специфику историографических источников. Хотя принятое им определение историографического источника как «любого источника, включенного в ракурс историографического исследования» (с. 24), выдвигает на первый план гносеологический аспект, при котором не учитывается его онтологический статус. Все же историографический источник должен прежде всего фиксировать процесс историзации прошлого. Иначе нечего будет

«включать в ракурс» историографического исследования. Здесь, как и в ряде других случаев, налицо стилистический огрех, который, как и пунктуационные ошибки, встречающиеся в работе, порой затрудняют понимание содержания высказываемых автором положений. Классификация источников диссертации, основанная на феноменологическом понимании их природы (т.е.: научные труды (монографии, статьи, диссертации), делопроизводственные документы, работы Антония (Храповицкого), общественно-публицистические работы, материалы личного происхождения) все же содержит логические ошибки, которые, впрочем, присущи и главным протагонистам этого подхода. Понятно стремление Е. С. Рослякова особо выделить значение для его исследования работ Антония (Храповицкого), но по правилам логики они, в зависимости от их характера, отчасти окажутся либо срединаучных исследований, либо среди публицистики, либо среди документов личного происхождения. Объединяя и выделяя их в особую группу источников, автор тем самым нарушает правило единого критерия при классификации. Делопроизводственная документация, выделенная Е. С. Росляковым в особую группу, имеет все же второстепенное значение для историографического исследования: только для понимания/объяснения принципов ее источниковедческого анализа и интерпретации историками или публицистами.

При знакомстве с вводной частью диссертации у меня возникли некоторые вопросы и замечания: Почему понятие «идеология» сужается только до «системы взглядов на отношения Церкви и государства»? (с. 23) Что такое «стратегичность» оценок и как она влияет на отличие якобы «научных» и публицистических работ? (с. 26) Для меня очевидно, что работы о Церкви в советский период носили пропагандистский характер даже тогда, когда некоторое расширение ее деятельности было допущено в годы Великой Отечественной войны и сразу же после нее (это не значит, что в современной литературе нет пропагандистских работ, написанных с церковных позиций). Наконец, формально начало постсоветского периода историографии относится к 1991 г., а не 1990 г., как указано в тексте (с. 28).

Экстерналистский подход стал ведущим при определении Е. С. Росляковым структуры изложения результатов исследования. Хотя и здесь сказывается влияние интерналистского подхода. Поскольку формирование исходного комплекса источников и черт образа Антония (Храповицкого) происходило еще в дореволюционном общественном сознании, формировавшемся в значительной степени под влиянием поисков «нового религиозного сознания» и, соответственно, авторов публикаций, в которых разрабатывалась эта проблематика, постольку этот материал включен в первую главу. Такое включение пред-

ставляется вполне уместным и не разрушает в целом внешне достаточно стройной и внутренне логичной структуры повествования.

В первой главе диссертации Е. С. Росляков на основе публицистики и эго-документов детально характеризует сложный и порой противоречивый процесс формирования образа иерарха Антония (Храповицкого), справедливо отмечая влияние на этот процесс идейных разногласий его современников об исторической судьбе РПЦ (особенно – о синодальной системе управления) и ее роли в предреволюционном обществе. Выделение революций 1905 и 1917 гг. в качестве переломных событий не только для судьбы всей страны, но и митрополита, а главное – для изменения его образа, вполне обосновано в диссертации, также как и детально раскрытое положение Е. С. Рослякова о динамике его восприятия различными группами современников. К сожалению, в выводах по главе лишь указано на личностные характеристики Антония (Храповицкого), дававшиеся хорошо знавшими его людьми, которые позволяли воспринимать изменение (или поддерживать динамику) образа, «сглаживая» его противоречивость, тогда как это можно было бы обобщить в двух-трех предложениях. Уточнения требует и менявшееся отношение Архиепископского Синода и его первоиерарха к Свято-Сергиевскому православному богословскому институту (ССПБИ) в Париже, нападки на который проявляются не с самого начала его деятельности (с. 82), а только с 1926 г., и обусловлены разногласиями между митрополитами Антонием (Храповицким) и Евлогием (Георгиевским) в том числе и в отношении к Русскому студенческому христианскому движению. Здесь автору явно не хватает знакомства с работами французского историка А. Аржаковского, монография которого о журнале «Путь», а также ряд статей опубликованы не только на французском или английском языках, но и переведены на русский и имеются в Интернете. При характеристике различия во взглядах «карловчан» и даже членов Архиерейского Синода на отношение Антония (Храповицкого) к решениям этого органа (с. 108-109) было бы уместным дать их авторское объяснение и интерпретацию. Это относится и к оценкам некоторых их оппонентов. Например, позиция известного эмигрантского общественного деятеля и церковного историка А. В. Карташева была сложнее (противник «карловчан», но монархист «в душе») и не ограничивалась лишь юбилейной (а, соответственно, заданной этим событием) положительной характеристикой митрополита Антония (Храповицкого). Помимо отрицания соборного характера Архиерейского Синода, он выдвигал важный канонический аргумент против этого органа, указывая, что митрополит Антоний (Храповицкий), как и некоторые другие его иерархи, были епископами без паствы, т.к. не могли управлять покинутыми ими епархиями. Об этом мне приходилось писать в своей статье о взаимоотношениях между «евлогианцами» и Московской патриархией в 1920-х – 1930-х годах. Правда,

статья эта вышла в свет совсем недавно в журнале, не дающем права свободного доступа к содержанию через Интернет, что, очевидно, затруднило знакомство с ней в условиях пандемии.

Во второй главе представлена детальная и обоснованная характеристика изучения в эмигрантской историографии деятельности митрополита Антония (Храповицкого) как основателя и первоиерарха РПЦЗ. Е. С. Росляков разносторонне и убедительно представил не только трансформацию образа митрополита, для чего важными были не только противоположные оценки его сторонников и противников, но и его личностные черты, отношение к которым не было столь же однозначным среди этих групп исследователей. Утверждения, аргументация и выводы автора диссертации в этой главе не вызывают возражений. Однако они были бы еще более точными и емкими, если бы при в целом верной оценке изменений, произошедших в эмиграции, Е. С. Росляков отметил пополнение и усложнение ее состава после Второй мировой войны за счет «ди-пи», которые оказались в области пересекающихся юрисдикций русских зарубежных церковных учреждений, а также распространение «советского патриотизма» в результате повышений международного авторитета СССР. Стоило также отметить попытки, хотя и неудавшиеся, преодолеть расхождения между последователями митрополитов Антония (Храповицкого) и Евлогия (Георгиевского) в самом конце 1940-х годов. Наконец, заслуживает внимания и проявившийся разрыв между поколениями не только в среде эмигрантов, но и, особенно, среди преподавателей ССПБИ. В этом контексте о. А. Шмеман и о. И. Мейендорф выступают как представители «младшего» поколения, явно или не вполне явно отмежевывающиеся от отцов-основателей института. Поэтому в споре между представителями «старшего» поколения профессоров ССПБИ и продолжателями дела митрополита Антония (Храповицкого) они являются третьей стороной, а у о. А. Шмемана, архиепископов Вениамина (Федченкова) и Киприана (Керна) были разные основания для критики митрополита Антония (Храповицкого), впрочем, как и разные церковные юрисдикции. Однако это, скорее, свидетельство перспективности дальнейшего изучения проблематики, поднимаемой в диссертации.

В третьей главе представлены результаты исследования по преимуществу агитационно-пропагандистских оценок РПЦЗ и в меньшей степени митрополита Антония (Храповицкого). Выдвигаемые в главе положения и их обоснование вполне корректны и не вызывают особых возражений, кроме некоего странно выглядящего утверждения о том, что к церковной историографии можно «в полной мере применить» такую характеристику советской историографии, как подмена методологии «верою в марксизм» (с. 158). При характеристике периодов куда-то пропали 1950-е годы, достаточно противоречивые не

только для страны, но и для советской историографии, оказавшейся в сложной идеологической ситуации незавершенного расставания со сталинизмом. Хотя в целом влияние сложных зигзагов внешнеполитической и внутривнутриполитической деятельности партийного и советского руководства СССР на историографию вопроса раскрыто полно и последовательно.

Четвертая, заключительная глава диссертации показывает умение автора успешно справляться с достаточно сложными задачами историографического анализа. За многообразными фактами и переплетающимися деталями изменения обоснования взглядов современных отечественных историков на роль Церкви в недавнем прошлом, все еще воспринимаемом в обществе (в том числе верующими) как прожитое, но не ушедшее, Е. С. Росляков способен найти объясняющие их причины и раскрыть смысл проводимой церковными и светскими исследователями переоценки истории РПЦЗ и деятельности ее многолетнего главы – митрополита Антония (Храповицкого).

Приведенные в заключении диссертации выводы, как и выносимые на защиту положения, вполне обоснованы и логично вытекают из всего изученного автором материала.

Научная новизна диссертации заключается в применении современных теоретико-методологических подходов к изучению процесса формирования и изменения образа митрополита Антония (Храповицкого) в длительной хронологической перспективе и в сложном переплетении динамически меняющихся политических, идейных, религиозных и церковных контекстов, что обогащает историографию новыми знаниями о механизме историзации индивидуальной идентичности так называемых «исторических личностей». Данные диссертации, которые могут стать полезными для теоретико-методологических обобщений, имеют и непосредственную практическую значимость, так как могут быть использованы в образовательном процессе при изучении обучающимися историографии отечественной истории, при разработке специальных курсов по истории РПЦ или по истории русского зарубежья.

Результаты исследования Е. С. Рослякова достаточно полно представлены в автореферате диссертации и публикациях, необходимое число которых помещено в изданиях, рекомендованных ВАК для апробации работ, предоставляемых на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а также были озвучены на конференциях, материалы которых опубликованы. Они прошли экспертную процедуру на заседании кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Содержание диссертации Е. С. Рослякова «Митрополит Антоний (Храповицкий) как идеолог и деятель Русской Зарубежной Церкви в отечественной историографии 1920 –

2000-х гг.» соответствует следующим пунктам Паспорта специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования: 2. Отечественная и зарубежная историография; приемы и методы ее познания; историографические школы; институциональные аспекты исторической науки; 4. Историческая память человечества; общее и особенное в развитии научного и обыденного исторического знания и исторических представлений.

На основании вышеизложенного считаю, что, несмотря на высказанные в отзыве замечания, диссертация Рослякова Евгения Сергеевича «Митрополит Антоний (Храповицкий) как идеолог и деятель Русской Зарубежной Церкви в отечественной историографии 1920–2000-х гг.» отвечает предъявляемым к кандидатским диссертациям требованиям Высшей аттестационной комиссии и соответствует п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (с изменениями от 26 мая 2020г.), а ее автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Даю согласие на включение моих персональных данных в личное дело соискателя

Официальный оппонент
профессор кафедры Отечественной истории
ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный
университет», доктор исторических наук
(специальность – 07.00.09 – историография,
источниковедение и методы исторического
исследования), доцент

Антощенко А. В.

Адрес: 185910, г. Петрозаводск, ул. Ленина 33
Тел. 8(911)4058434, эл.почта: ant@petsu.ru

21 января 2021 г.